

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...

Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

New Yorker

· ВСЕ · РАССЛЕДОВАНИЯ · НИРО · ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Черная
гора

« И Н О С Т Р А Н К А »

Ниро Вульф

Рекс Стаут
Черная гора

«Азбука-Аттикус»

1954

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стаут Р. Т.

Черная гора / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус», 1954 — (Ниро Вульф)

ISBN 978-5-389-19914-9

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. Убивают Марко Вукчича, старинного друга Ниро Вулфа. Затем гибнет приемная дочь Вукчича. Все следы ведут в Черногорию. Вместе с Арчи Гудвином Вулф отправляется, причем нелегально, в страну, где прошли его детство и юность. Знаменитый сыщик-домосед путешествует по горам пешком и ночует в стог сена, но мужественно преодолевает все встающие на его пути препятствия...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-19914-9

© Стаут Р. Т., 1954
© Азбука-Аттикус, 1954

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Черная гора

Предупреждение

Голову на отсечение за полную достоверность описываемых здесь событий я не дам, так как большинство разговоров, при которых я присутствовал, велись в чужой стране и на чужом языке, в котором я ни черта не смыслю. Поэтому, даже при всех моих неоспоримых талантах, я не могу кривить душой и притворяться, будто понимал хоть малую толику из того, что слышал. Тем не менее за то, что все здесь – сушая правда, готов поручиться сам Ниро Вулф, который в свободные от безделья минуты помогал мне переводить эту абракадабру на человеческий язык. В тех случаях, когда разговоры велись без его участия, я постарался описать все так добросовестно, как только мог. Возможно, и не стоило во всем этом признаваться, но в противном случае моя совесть была бы не полностью чиста.

Арчи Гудвин

Глава 1

В тот мартовский четверг Ниро Вулф в первый и последний раз в своей жизни очутился в морге.

Тогда вечером я едва успел подойти к телефону. В кармане у меня лежал билет на баскетбольный матч в «Мэдисон-сквер-гарден», и я обедал на кухне, потому что уходить мне надо было без десяти восемь, а Вулф терпеть не может есть за одним столом с человеком, который куда-то спешит. Поесть раньше я не мог, потому что Фриц готовил к обеду «дикую» индейку и должен был доставить ее в столовую на подносе, чтобы Вулф мог лицезреть птицу в нетронутым виде, прежде чем ее сочную мякоть осквернит чей-то нож. Иногда, собираясь на очередной матч или в театр, я около половины седьмого сам брал что-нибудь из холодильника и тогда успевал вовремя, но в тот раз мне уж очень захотелось отведать индюшатины, не говоря уже о соусе из сельдерея и кукурузных оладьях.

Когда я встал из-за стола и отодвинул стул, то опаздывал уже на шесть минут, а тут еще и телефон зазвонил. Попросив Фрица взять трубку на кухне, я вышел в прихожую, снял с вешалки пальто и уже надевал его, когда меня окликнул Фриц:

– Арчи! С тобой хочет поговорить сержант Стеббинс.

Я пробурчал нечто такое, что не предназначается для ваших ушей, поспешил в кабинет, подлетел к своему столу, схватил трубку и проорал в нее:

– Валяй! У тебя целых восемь секунд.

Однако разговор наш продлился больше чем восемьдесят раз по восемь, и вовсе не потому, что на этом настаивал Пэрли Стеббинс, – я сам не мог оторваться от телефона после первой же его фразы.

Повесив трубку, я постоял немного, тупо уставившись на стол Вулфа. Много раз за эти годы мне приходилось извещать Вулфа о том, что, мягко говоря, не могло его порадовать, но сейчас все обстояло куда хуже. Признаться, я и сам был потрясен. Сначала я даже пожалел, что не ушел из дому на две минуты раньше, но, осознав, что так было бы еще хуже – для Вулфа, по крайней мере, – я пересек прихожую, вошел в столовую и сказал:

– Звонил Пэрли Стеббинс. Полчаса назад один мужчина вышел из своего дома на Восточной Пятьдесят четвертой улице и был убит выстрелом из стоявшей рядом машины. Найденные документы...

Вулф прервал меня:

– Нужно ли напоминать тебе, Арчи, что никакие дела не должны мешать приему пищи?

– Нет. К тому же речь идет не о деле. При убитом найдены документы на имя Марко Вукчича. Пэрли говорит, что никаких сомнений в личности убитого нет, поскольку двое сыщиков знали Марко в лицо, но он хочет, чтобы я приехал для опознания. Если вы не возражаете, то я поеду. Конечно, это зрелище менее приятное, чем баскетбол, но я уверен: Марко на моем месте поступил бы так же... – Я поперхнулся и закашлялся.

Вулф молча положил нож и вилку на тарелку. Его глаза уставились на меня, однако он не хмурился. Уголок его рта дернулся раз, потом другой. Чтобы остановить тик, Вулф стиснул губы.

– Ступай, – кивнул он. – Позвонишь.

– У вас есть какие-то...

– Нет. Позвонишь.

Я повернулся и вышел.

Пройдя квартал вниз по Десятой авеню, я поймал такси на Тридцать четвертой улице. Машина довольно быстро пересекла Манхэттен и доставила меня к зданию городского морга

на Восточной Двадцать девятой улице. Поскольку меня там знали и ждали, то пропустили без лишних вопросов.

Я никогда не обращал внимания на стоявший там запах. Один из помощников прозектора по фамилии Фабер пытался меня однажды убедить, что у них пахнет, как в больнице, но я не купился на такую дешевку. Мое чуткое обоняние провести невозможно. Фабер утверждал, что в самом помещении – не в холодильнике – обычно находится от силы пара трупов, но в таком случае там, наверное, нарочно распыляли какую-то дрянь, чтобы воздух насквозь провонял моргом.

С сыщиком из убойного отдела, который вел меня по коридору, я был знаком, хотя и шапочно, а вот прозектора видел впервые. Он возился с чем-то на длинном столе, залитом ярким светом. Рядом хлопотал помощник. Мы с сыщиком остановились и некоторое время наблюдали за ними. Подробное описание этой процедуры пригодится вам только в том случае, если вы, что маловероятно, займетесь поисками пули, угодившей в тело между пятым и шестым ребром, а посему я эту операцию опускаю.

– Ну? – спросил сыщик.

– Да, – кивнул я. – Я подтверждаю, что убитый – Марко Вукчич, владелец ресторана «Рустерман». Если вы хотите, чтобы я подписал протокол, то подготовьте документы, а я пока должен позвонить.

Выйдя из прозекторской, я прошел по коридору к телефонной будке и набрал номер. Обычно Фриц поднимает трубку после второго или третьего гудка, а Вулф – после пятого или шестого, но на этот раз Вулф взял трубку сразу.

– Да.

– Говорит Арчи. Это Марко. У него две пули в груди и еще одна в животе. Думаю, Стеббинс уже на месте происшествия, на Пятьдесят четвертой улице, да и Кремер, наверное, там. Может быть, мне тоже поехать?

– Нет. Оставайся в морге. Я приеду посмотреть на Марко. Где это находится?

Расследуя убийства в Манхэттене вот уже больше двадцати лет, Вулф до сих пор не знает, где находится морг. Я объяснил... Подумав, что при данных обстоятельствах ему не помешала бы некоторая поддержка, и зная, как Вулф ненавидит поездки в машине, я собрался было предложить свои услуги как шофера, но Вулф уже повесил трубку.

Выйдя из будки, я подошел к сидящему за столом сержанту Доновану и сказал, что тело опознал, но Вулф хочет приехать и удостовериться сам. Донован помотал головой:

– Мне выдали разрешение только на тебя.

– Ерунда! При чем тут разрешение? Любой житель Нью-Йорка и честный налогоплательщик имеет право взглянуть на останки своих родственников, друзей или врагов. Мистер Вулф живет в Нью-Йорке и исправно платит налоги. Я сам заполняю его налоговые декларации.

– Надо же, а я думал, что ты частный сыщик.

– Да, я частный сыщик, но твой тон мне не нравится. Я, между прочим, еще и бухгалтер, личный секретарь и – заноза в заднице. Ставлю восемь против пяти, что ты никогда не слышал словосочетания «личный секретарь» и уж тем более не видел занозу в заднице.

Он даже не вышел из себя.

– Ну да, конечно, ты у нас образованный. Мне нужно получить разрешение для Ниро Вулфа. Я ведь знаю его как облупленного. Пусть морочит голову ребятам из уголовной полиции или самому окружному прокурору, но со мной его штучки не пройдут.

Я не нашелся что возразить. Вообще-то, я хорошо себе представлял, с какой публикой Доновану приходится иметь дело. К нему могли заявиться какие-нибудь проходимцы, собирающие сведения для ложного опознания, или истеричная дамочка, которой не терпится знать, не стала ли она вдовой. От таких кто угодно на стенку полезет. Поэтому я просто попытался растолковать ему, что к чему. Немного рассказал про Марко Вукчича. О том, что Марко был

одним из десяти людей, к которым Ниро Вулф обращался по имени. Что в течение многих лет он раз в месяц обедал у Вулфа, а мы с Вулфом раз в месяц обедали у него в ресторане. Что они с Вулфом вместе росли в Черногории, которая теперь стала частью Югославии. Донован вроде бы слушал, но особого впечатления мой рассказ на него не произвел. Когда, решив, что изложил ему ситуацию предельно ясно, я остановился, чтобы перевести дух, сержант повернулся к телефону, позвонил в уголовную полицию и, с ходу наябедничав на Вулфа, испросил разрешение на его приезд. Потом повесил трубку и заявил, что ему обещали перезвонить.

Копья ломать из-за такой ерунды, на мой взгляд, не стоило. Тем более что разрешение он получил за целую минуту до того, как приехал Вулф. Я сам открыл входную дверь.

– Сюда, – сказал я и провел его по коридору в прозекторскую.

Врач уже вынул пулю, которая вошла между пятым и шестым ребром, и собирался достать ту, что застряла глубже. Я увидел это, остановившись шага за три до стола. Вулф же продолжал двигаться, пока самая выдающаяся часть его тела – живот – не уперлась в край стола. Прозектор узнал Вулфа сразу:

– Насколько я понимаю, покойный был вашим другом, мистер Вулф?

– Был, – сказал Вулф немного громче обычного.

Он придвинулся ближе, протянул руку и, взяв Марко за подбородок, попытался закрыть ему рот. Однако, когда он убрал руку, рот снова открылся. Вулф хмуро уставился на прозектора.

– Мы это уладим, – заверил его тот.

Вулф кивнул, сунул руку в карман, порылся там и показал прозектору две маленькие монеты:

– Это старые динары. Я хотел бы выполнить обещание, данное много лет назад.

Врач кивнул и отошел, а Вулф положил монеты на веки своего друга. Голова Марко была чуть наклонена в сторону, и ему пришлось ее поправить, чтобы монеты не свалились.

– Вот и все, – произнес он и отвернулся. – Больше у меня нет перед ним обязательств. Идем, Арчи.

У выхода с сержантом болтал сыщик из убойного отдела, сопровождавший меня на опознание тела. Он сказал, что мне подписывать протокол не нужно, и спросил Вулфа, подтверждает ли тот опознание. Вулф кивнул и поинтересовался:

– Где мистер Кремер?

– Извините, не знаю.

Вулф повернулся ко мне:

– Я попросил водителя подождать. Ты сказал, что Марко жил на Восточной Пятьдесят четвертой улице?

– Да.

– Поехали туда.

Должен заметить, поездка в такси была для Вулфа чем-то из ряда вон выходящим. Недоверие Вулфа к машинам вообще столь велико, что, сидя в любом четырехколесном монстре, он не в состоянии разговаривать, даже если за рулем нахожусь я. Однако на этот раз он преодолел себя. Стал расспрашивать меня о Марко Вукчиче. Я напомнил, что он знал Марко намного дольше и лучше, нежели я, но Вулф ответил, что некоторые темы – например, отношения с женщинами – Марко не обсуждал с ним никогда. Я согласился, но добавил, что, насколько я знаю, Марко вообще не тратил времени на обсуждение своих отношений с женщинами – он только наслаждался ими, – и привел следующий пример. Пару лет назад, когда я однажды пришел поужинать в «Рустерман» девушку по имени Сью Дондеро¹, Марко сразу положил на нее глаз и прислал нам в подарок бутылку одного из своих лучших кларетов. На следующий день

---

¹ Отсылка к роману Р. Стаута «Прочитавшему – смерть».

он позвонил мне и поинтересовался, не дам ли я ему адрес и телефон Сью. Я удовлетворил его просьбу, а сам тут же постарался выкинуть Сью из головы...

– Почему? – перебил Вулф.

– ...чтобы дать ей возможность пораскинуть мозгами. Марко – единственный владелец «Рустермана», богатый вдовец. Сью могла бы подцепить его.

– Но не подцепила.

– Нет. Насколько мне известно, что-то у них не вышло.

– Что за черт! – выругался водитель, резко тормозя.

Не успел он свернуть с Парк-авеню на Пятьдесят четвертую улицу, чтобы пересечь Лексингтон-авеню, как его остановил патрульный. Резкое торможение лишней раз утвердило Вулфа в его нелюбви к машинам. Таксист высунулся из окна и возмущенно проорал:

– Послушайте, моему пассажиру нужен дом в этом квартале!

– Ничем не могу помочь. Улица перекрыта. Поворачивайте.

Водитель резко вырулил и подвез нас к тротуару. Я заплатил, выбрался из машины и придержал дверь, чтобы дать возможность Вулфу извлечь свою тушу наружу. С минуту он постоял, чтобы перевести дыхание, и мы направились в восточную сторону. Шагах в десяти от нас высился другой полицейский, немного дальше – еще один. Центр квартала буквально кишел полицейскими автомобилями, прожекторами, суетящимися людьми и просто уличными зеваками. С нашей стороны часть тротуара была огорожена канатом. Когда мы подошли, полицейский преградил нам путь и рявкнул:

– Переходите на ту сторону и не задерживайтесь!

– Я приехал посмотреть на убитого, – сказал Вулф.

– Знаю. Вы и еще десять тысяч человек. Освободите место.

– Я друг убитого. Меня зовут Ниро Вулф.

– Ага, а меня – генерал Макартур. Отваливайте!

Разговор мог бы получить интересное развитие, если бы вдруг в свете прожектора я не заметил до боли знакомую физиономию.

– Роуклифф! – завопил я.

Лейтенант обернулся, пристально всмотрелся, вышел из освещенного круга, взгляделся еще внимательнее и наконец подошел.

– Ну? – требовательно спросил он.

Из всех сотрудников уголовной полиции Западного Манхэттена, с которыми мы имели дело, от начальников до подчиненных, лейтенант Роуклифф – единственный, от общения с которым я просто сатанею, и, уверен, наши с ним чувства взаимны. Он-то уж точно мечтал бы видеть меня в геенне огненной, где ему как раз самое место. Поэтому, окликнув его, я предоставил право вести переговоры Вулфу.

– Добрый вечер, мистер Роуклифф. Мистер Кремер здесь?

– Нет.

– А мистер Стеббинс?

– Нет.

– Я хотел бы осмотреть то место, где застрелили мистера Вукчича.

– Вы мешаете. Мы работаем.

– Я тоже.

Роуклифф задумался. Он бы с удовольствием приказал парочке помощников отвести нас к реке и утопить, но момент для расправы был явно неудачным. Ведь случилось нечто совершенно неслыханное: Вулф едва ли не впервые в жизни вышел из дому по делу. Роуклифф понимал, что произошло нечто из ряда вон выходящее, и ему было неясно, как прореагирует начальство, если он даст волю своим чувствам. И конечно, он знал, что Вулф и Вукчич были близкими друзьями. Сделав над собой видимое усилие, он все-таки проворчал:

– Идите сюда, – и подвел нас по тротуару к фасаду дома. – Конечно, к окончательному выводу мы еще не пришли, но считаем, что дело обстояло так. Вукчич вышел из дому один. Он прошел между двумя стоявшими автомобилями, чтобы поймать такси, идущее с западной стороны. Машина, припаркованная во втором ряду примерно ярдах в двадцати к западу, – не наемная, черный или темно-синий «форд-седан» – покатила вперед. Когда она поравнялась с Вукчичем, находившийся в ней человек начал стрелять. Пока неясно, стрелял сам водитель или кто-то сидящий рядом. И мы пока не нашли ни одного свидетеля. Он упал вон там, – указал Роуклифф. – Как видите, мы еще не продвинулись ни на шаг. До сих пор нет никаких точных сведений ни о личности убийцы, ни о мотиве. Вукчич жил один на верхнем этаже, и когда уходил, с ним никого не было. Питался он, естественно, у себя в ресторане. Что-нибудь еще?

– Нет, спасибо.

– Только не сходите с тротуара. Мы хотим еще раз осмотреть мостовую при дневном свете. – И он оставил нас.

Вулф постоял с минуту, глядя на мостовую, на то место, где лежал убитый Марко, затем поднял голову и огляделся. Свет от прожектора упал ему на лицо, и он моргнул. Поскольку впервые на моей памяти он начал расследовать убийство, лично выехав на место преступления, если не считать случаев, когда его вынуждали особые обстоятельства, например когда речь шла о спасении моей жизни, мне было любопытно, какие шаги он предпримет. Уж слишком редко мне представлялась такая возможность.

Вулф начал с того, что повернулся ко мне и спросил:

– Как пройти к ресторану?

Я показал на запад:

– Четыре квартала вверх по Лексингтон-авеню, потом свернуть за угол. Мы можем поймать такси.

– Нет, мы пойдем пешком. – И он потопал вперед.

Я последовал за ним, все больше и больше изумляясь. Смерть его старого и самого близкого друга, конечно, потрясла Вулфа, ведь ему предстояло пройти целых пять перекрестков, где чудовища на колесах поджидали его на каждом углу, готовые к прыжку, но он шагал, не глядя по сторонам, словно всю жизнь только так и поступал.

Глава 2

То, что происходило в «Рустермане», нельзя было назвать ни естественным, ни нормальным. Швейцар шести футов ростом, с квадратной челюстью, пропустил нас и вдруг выпалил в широкую спину Вулфа:

– Это правда, мистер Вулф?

Вулф пропустил его вопрос мимо ушей, но я обернулся и кивнул.

Мы прошли мимо гардероба. В большом холле, который нужно было пересечь, чтобы попасть в зал, и который Марко называл комнатой отдыха, а я – баром, потому что в нем был установлен бар, находилось всего лишь несколько завсегдатаев. Время приближалось к половине десятого, поэтому все клиенты были в зале, поглощая куропаток, запеченных в кастрюльке, или турнедо Богарне. Особую обстановку, мягкую, приглушенную, так отличающую «Рустерман» от других подобных заведений, создал, конечно, Марко с помощью Феликса, Лео и Джо. До этого вечера я никогда не видел, чтобы кто-нибудь из них, нарушая правила, хотя бы моргнул. Когда мы вошли, Лео, стоявший у входа в зал, заметил нас и шагнул навстречу, затем вдруг повернулся, отступил и громко крикнул:

– Джо!

Завсегдатаи бара принялись оживленно переговариваться. Лео снова повернулся, прижал ладонь ко рту, подошел к нам и уставился на Вулфа. Я заметил, что на лбу у него выступил пот, – еще одно серьезное нарушение. В ресторане, где подают голубей по пять или более баксов за штуку, метрдотели и официанты не имеют права потеть.

– Это правда? – прошептал Лео, все еще прикрывая рот ладонью.

Казалось, он съеживается на наших глазах, а он и так был не очень большим, не коротышка, но совсем узкий, только в плечах пошире. Он отнял руку и произнес приглушенно:

– Боже мой, мистер Вулф, неужели это правда?! Должно быть...

Кто-то схватил его за плечо сзади.

Вышибала Джо был специально обучен хватать. Годы, проведенные с Марко, отшлифовали его манеры, и он уже мало походил на профессионального борца, сохраняя, однако, весьма внушительные размеры и облик.

– Держи себя в руках, черт побери! – прорычал он. – Не желаете ли заказать столик, мистер Вулф? Марко здесь нет.

– Я знаю, что его нет. Он мертв. Я не...

– Пожалуйста, не говорите так громко. Пожалуйста. Так вы знаете, что он погиб?

– Да. Я видел его. Мне не нужен столик. Где Феликс?

– Феликс наверху в кабинете с двумя полицейскими. Они пришли и сказали, что в Марко стреляли и... он убит. Феликс поручил нам с Лео присматривать здесь, а сам поднялся с ними наверх. Мы никому ничего не говорили, кроме Винсента. Феликс сказал, что Марко не понравилось бы, если бы обед был испорчен. Меня просто тошнит, когда я смотрю, как они едят, пьют, смеются, но, может быть, Феликс прав, а лицо у него было такое, что лучше не спорить. Вы думаете, он прав? Лично я выставил бы всех и запер двери.

– Нет, – покачал головой Вулф. – Феликс прав. Пусть едят. Я поднимусь. Идем, Арчи. – И он двинулся к лифту.

Третий этаж здания перестроили около года назад. В передней части сделали кабинет, а в задней – три небольших обеденных зала. Вулф без стука открыл дверь кабинета и вошел, я последовал за ним. Трое мужчин, сидящих на стульях вокруг стола, обернулись. Феликс Мартин, хорошо сложенный, невысокий, седовласый крепыш с бегающими черными глазами, конечно в форменной одежде, встал и направился к нам. Остальные двое продолжали сидеть.

У них тоже имелась форма: у одного – инспектора, у другого – сержанта, но они обычно обходились без нее.

– Мистер Вулф... – начал Феликс; у него был удивительно низкий голос для человека его габаритов, даже когда вы к нему привыкали. – Случилось самое ужасное. Хуже не придумать. А ведь дела шли так хорошо!

Вулф кивнул ему и обратился к инспектору Кремеру.

– Узнали что-нибудь? – требовательно спросил он.

Кремер и бровью не повел. Его крупное круглое лицо всегда чуть краснело, а холодные серые глаза становились еще холоднее, когда он пытался держать себя в руках.

– Я знаю, что вы лично заинтересованы в этом деле, – сказал он. – Я даже согласился с сержантом Стеббинсом, что мы должны учесть это. Что ж, настал как раз тот случай, когда я с радостью приму от вас любую помощь. Поэтому давайте обсудим все спокойно. Принеси стулья, Гудвин.

Для Вулфа я выбрал стул, стоявший за столом Марко, потому что он больше остальных соответствовал габаритам моего шефа, а для себя взял первый попавшийся. Я присоединился к обществу, когда Вулф повторил, крайне раздраженно:

– Узнали что-нибудь?

Кремер сдержался и на сей раз:

– Пока ничего важного. Убийство совершено всего два часа назад.

– Мне это известно. – Вулф попробовал сесть на стуле поудобнее. – Вы, конечно, спросили Феликса, не знает ли он убийцу. – Он перевел взгляд на Мартина. – Может, знаешь, Феликс?

– Нет, сэр. Я просто не могу в это поверить.

– У тебя есть предположения?

– Нет, сэр.

– Где ты был начиная с семи часов?

– Я? – Он смотрел в глаза Вулфа. – Я находился здесь.

– Все время?

– Да, сэр.

– А где был Джо?

– Тоже здесь.

– Все время?

– Да, сэр.

– Ты уверен?

– Да, сэр.

– А Лео?

– Тоже здесь, никуда не отлучался. Где же еще мы можем быть во время обеда? Но вот когда Марко не пришел...

– Если вы не против, – вмешался Кремер, – я все это уже знаю. Мне не нужно...

– Мне нужно, – прервал его Вулф. – Я несу двойную ответственность, мистер Кремер. Я, безусловно, намерен приложить все силы к тому, чтобы убийца моего друга был пойман и привлечен к ответственности в кратчайший срок. Но на мне лежит еще и другое бремя. Как вы вскоре официально узнаете, согласно завещанию моего друга, я являюсь *ad interim*² его душеприказчиком и опекуном имущества. Не наследником. Этот ресторан представляет единственную реальную ценность, и он был завещан шестерым из тех людей, которые здесь работают, причем наибольшая часть переходит к тем троим, о которых я уже спрашивал. Об

---

² Временно (*лат.*).

условиях завещания они узнали год назад, когда в него внесли изменения. У мистера Вукчича не было близких родственников, да и вообще в этой стране никого нет.

Кремер посмотрел на Феликса:

– Сколько стоит это заведение?

– Не знаю, – пожал плечами Феликс.

– Вы знали, что в случае смерти Вукчича, становитесь совладельцем ресторана?

– Конечно. Вы слышали, что сказал мистер Вулф.

– Ты не сказал об этом.

– Боже мой! – Феликс дрожа вскочил со стула, постоял с минуту, чтобы дрожь прекратилась, снова сел и наклонился к Кремеру. – Требуется время, чтобы говорить о некоторых вещах, мистер. Обо всем, что было между Марко и мной, между ним и всеми нами, я готов рассказать с удовольствием. Скрывать мне нечего. Да, работать с ним порой было трудно, он бывал суровым, иногда грубым, мог накричать, но он был замечательной личностью. Послушайте, я скажу вам, как я к нему отношусь. Вот я. А здесь сбоку Марко. – Феликс постучал пальцем по своему локтю. – Вдруг появляется некто, наводит на него пистолет и собирается выстрелить. Я бросаюсь, чтобы заслонить собой Марко. Думаете, я герой? Нет. Я совсем не герой. Просто я так к нему отношусь. Спросите мистера Вулфа.

– Он только что выяснял, где вы были после семи часов, – проворчал Кремер. – Ну а Лео и Джо? Как они относились к Марко?

Феликс выпрямился:

– Они сами вам скажут.

– А вы как думаете?

– Не так, как я, потому что у них другой темперамент. Но предположить, что они могли бы навредить ему, – никогда. Джо не бросился бы, чтобы заслонить Марко. Но он напал бы на человека с пистолетом. Лео – не знаю, но, по-моему, он позвал бы на помощь, позвал бы полицию. Я его не упрекаю. Не обязательно быть трусом, чтобы звать на помощь.

– Жаль, что никого из вас не было, когда это случилось, – отметил Кремер.

Это замечание показалось мне неуместным. Было очевидно, что Феликс ему не нравится.

– И вы говорите, что даже не представляете о том, кто бы хотел его смерти?

– Нет, сэр, не знаю. – Феликс задумался. – Конечно, у меня есть кое-какие догадки. Взять, например, женщин. Марко был галантным кавалером. Единственное, что могло отвлечь его от работы, так это женщина. Я не могу сказать, что женщина для него была важнее соуса, – он никогда не относился небрежно к приготовлению соуса. Но он был равнодушен к женщинам. Ему ведь совсем не обязательно было находиться на кухне в разгар обеда. Джо, Лео и я вполне справлялись со столиками и обслуживанием, поэтому, если Марко предпочитал пообедать за своим столиком с дамой, мы не обижались. Но другие могли обижаться. Не знаю. Я сам женат, у меня четверо детей и совсем не остается свободного времени, но все знают, какие чувства может вызвать женщина.

– Так он был бабником, – пробурчал сержант Стеббинс.

– Пф! – поморщился Вулф. – Галантность совсем не всегда прислужница похоти.

Все это было слишком утонченно для присутствующих, но факт остается фактом: Вулф сам спрашивал меня об отношениях Марко к женщинам. А через три часа этот же вопрос вновь был в центре внимания. Феликса отпустили и попросили прислать Джо. Появились другие детективы из отдела убийств, а также помощник окружного прокурора. Официантов и поваров допрашивали в отдельных кабинетах, и всем задавали вопросы о женщинах, с которыми за последний год ужинал Марко. К тому времени, как Вулф выразил желание на сегодня все закончить, встал и потянулся, было уже далеко за полночь и мы собрали изрядную кучу сведений, включая имена семи женщин, из которых ни одна не пользовалась дурной славой.

– Вы сказали, что приложите все усилия к тому, чтобы преступник был пойман и привлечен к ответственности в наикратчайший срок, – напомнил Кремер. – Я бы не хотел вмешиваться и только напомню, что полиция будет рада помочь вам.

Пропустив его ехидное замечание мимо ушей, Вулф вежливо поблагодарил Кремера и направился к двери. По дороге домой в такси я поделился с ним маленькой радостью: никто не упомянул Сью Дондеро. Вулф не ответил. Он сидел на краю сиденья, вцепившись в ремень, в любой момент готовый спасти свою жизнь.

– Хотя должен заметить, – добавил я, – женщин и без нее набралось предостаточно. Думаю, им это не понравится. Завтра к полудню их будут обрабатывать тридцать пять сыщиков, по пять штук на каждую. Упоминаю об этом просто так, на тот случай, если вам вдруг втемяшится в голову собрать их всех семерых завтра в одиннадцать в вашем кабинете.

– Заткнись! – рыкнул он.

Обычно я норовлю поступить как раз наоборот, но на сей раз решил подчиниться. Когда мы подкатили к нашему старому особняку из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице, я заплатил водителю, вышел, придержал дверь Вулфу, поднялся по ступенькам на крыльцо и открыл дверь своим ключом. Как только Вулф переступил порог, я закрыл дверь, накинул цепочку, а обернувшись, увидел Фрица, который доложил:

– Сэр, к вам пришла дама.

У меня сверкнула мысль, что я буду избавлен от массы неприятностей, если дамочки начнут заходить без приглашений, но Фриц добавил:

– Это ваша дочь, миссис Бриттон.

В голосе Фрица можно было уловить слабую тень упрека. Он уже давно не одобрял отношение Вулфа к своей приемной дочери³. Темноволосая девушка с Балкан по имени Карла, говорящая с акцентом, в один прекрасный день свалилась на голову Вулфа и умудрилась впутать его в дело, которое отнюдь не способствовало увеличению его банковского счета. Когда все закончилось, она заявила, что не собирается возвращаться на родину, но и не намерена воспользоваться находившейся в ее распоряжении бумагой, которая была выдана ей когда-то в Загребе и удостоверяла, что Карла является приемной дочерью Ниро Вулфа. Она преуспела в двух направлениях: получила работу в туристическом агентстве на Пятой авеню и вышла через год замуж за его владельца, некоего Уильяма Р. Бриттона. Между мистером и миссис Бриттон и мистером Вулфом не возникало никаких разногласий, потому что разногласия возникают при общении, а его-то и не было. Дважды в год – на день рождения дочери и на Новый год – Вулф посылал ей огромный букет изысканных орхидей, и это было все внимание, которое он ей оказывал, если не считать его присутствия на похоронах Бриттона, скончавшегося от инфаркта в 1950 году.

Всего этого Фриц и не одобрял. Он полагал, что каждый человек, будь он даже сам Вулф, должен хотя бы изредка приглашать дочь, пусть и приемную, на обед. Когда он изложил мне свою точку зрения, как это с ним иногда случалось, я пояснил, что Карла раздражает Вулфа так же, как и он ее, поэтому нормальные родственные отношения между ними невозможны.

Я последовал за Вулфом в кабинет. Карла сидела в красном кожаном кресле. При нашем появлении она встала, чтобы посмотреть на нас, и возмущенно сказала:

– Я жду вас уже больше двух часов!

Вулф подошел, взял ее руку и вежливо пожал.

– По крайней мере, ты сидела в удобном кресле, – пробормотал он, протопал к собственному креслу, стоящему за столом, единственному, которое его устраивало, и уселся.

Карла протянула мне руку с отсутствующим видом; я просто пожал ее.

– Фриц не знал, где вы, – сказала она Вулфу.

---

³ Отсылка к роману Р. Стаута «Только через мой труп».

– Верно, – согласился он.

– Но он сказал, что вы знаете про Марко.

– Да.

– Я сама слышала об этом по радио. Сначала собиралась пойти в ресторан к Лео, потом подумала, что лучше обратиться в полицию, а затем решила прийти сюда. Я полагала, вы будете удивлены, хотя лично меня ничего не удивляет.

Карла говорила с горечью и выглядела расстроенной, но я должен признать, что от этого она не стала менее привлекательной. Она оставалась все той же девушкой с Балкан, чьи пронзительные черные глаза так поразили мое сердце много лет назад.

Вулф прищурился и взглянул на нее:

– Ты говоришь, что пришла сюда и ждала меня два часа, чтобы узнать подробности о смерти Марко? Почему? Ты была к нему привязана?

– Да. – (Вулф прикрыл глаза.) – Если я правильно понимаю, что означает слово «привязанность». Если вы имеете в виду особое отношение женщины к мужчине, то, конечно, нет. Не так.

– А как? – Вулф открыл глаза.

– Нас объединяла преданность великой и благородной цели! Свободе нашего народа! И вашего народа! А вы здесь сидите и строите гримасы. Марко рассказывал мне, что просил помочь нам – вашим умом и деньгами, но вы отказались.

– Он не говорил мне, что ты участвуешь в этом деле. Не называл тебя.

– Конечно не называл, – презрительно произнесла она. – Он знал, что тогда вы бы еще больше глумились над нашими идеалами. Вот вы сидите здесь, богатый, толстый и счастливый, в вашем прекрасном доме, с великолепной едой, стеклянными оранжереями наверху, где растут десять тысяч орхидей, чтобы усладить вас, и с этим Арчи Гудвином, который как раб делает за вас всю работу и принимает на себя все опасности. Какое вам дело до того, что народ страны, в которой вы сами росли, стонет под гнетом, свобода задушена, плоды труда отнимают, а детей готовят к войне? Перестаньте гримасничать!

Вулф откинулся назад и глубоко вдохнул.

– По-видимому, – сказал он сухо, – я должен преподать тебе урок. Мои гримасы не имеют отношения к твоим чувствам и к твоему нахальству, а относятся к стилю и дикции. Я презираю штампы, в особенности извращенные фашистами и коммунистами. Такие фразы, как «великая и благородная цель», «плоды труда» или «задушенная свобода», смердят, изуродованные Гитлером, Сталиным и всем их преступным окружением. Кроме того, в наш век потрясающего прогресса и триумфа науки призыв к борьбе за свободу значит не более того, что он велик и благороден; не больше и не меньше – это основное. Она ничуть не важнее и не благороднее борьбы за съедобную пищу и хорошее жилье. Человек должен быть свободным, иначе он перестает быть человеком. Любой деспот, будь он фашист или коммунист, не ограничен теперь такими допотопными средствами, как дубинка, меч или ружье. Наука создала такое оружие, которое может предоставить ему всю планету. И только люди, которые хотят умереть за свободу, имеют право жить ради нее.

– Как вы? – с презрением спросила она. – Нет. Как Марко. Он умер.

Вулф ударил рукой по столу:

– Я еще дойду до Марко. Что касается меня, то никто не давал тебе права судить меня. Я сделал свой вклад в борьбу за свободу – в основном финансовый – через те каналы и средства, которые мне кажутся наиболее эффективными. Я не собираюсь отчитываться перед тобой. Я отказался участвовать в проекте, который предлагал Марко, потому что сомневался в нем. Марко был упрямым, доверчивым, оптимистичным и наивным. Он был...

– Стыдитесь! Он умер, а вы оскорбляете...

– Хватит! – прорычал Вулф, и его рык, казалось, подействовал на Карлу; голос Вулфа сразу понизился на несколько децибел. – Ты разделяешь общее заблуждение, а я – нет. Я не оскорбляю Марко. Я воздаю ему должное, говоря о нем, относясь к нему так же, как при жизни. Было бы оскорблением, если бы от страха я мазал его елеем. Он не понимал, какими силами собирался управлять на большом расстоянии, не мог их контролировать, проверить их честность и преданность делу. Все, что он знал, – это то, что некоторые из них могли быть агентами Тито или даже Москвы.

– Это неправда! Он все о них знал, по крайней мере об их руководителях. Он не был дураком, и я тоже не круглая идиотка. Мы постоянно их контролировали, и я... Куда вы?

Вулф отодвинул стул и встал:

– Может, ты и не идиотка, но тогда идиот – я. Я позволил нашему разговору превратиться в бессмысленный спор, хотя вполне мог бы это предвидеть. Я хочу есть. Я как раз обедал, когда пришло известие о смерти Марко. У меня пропал аппетит. Я старался закончить обед, но не мог проглотить ни кусочка. Я плохо соображаю на пустой желудок, поэтому собираюсь пойти на кухню и что-нибудь съесть. – Он взглянул на настенные часы. – Пойдешь со мной?

Она покачала головой:

– Я обедала. И не могу есть.

– А ты, Арчи?

Я сказал, что не отказался бы от стакана молока, и вышел за ним. Фриц, отложив при нашем появлении журнал, глубокомысленно изрек:

– Голодающий мертвецу не помощник, – и открыл дверцу холодильника.

– Индейку, творог и ананас, – заказал Вулф. – Я прежде не слышал этого изречения. Монтень?

– Нет, сэр. – Фриц поставил индейку на стол, снял крышку, выбрал кусочек поаппетитнее и протянул его Вулфу. – Это моя собственная мысль. Я знал, что вы пришлете за мной или пожелаете сами, и мне хотелось приготовить для вас соответствующее изречение.

– Поздравляю. – Говоря, Вулф ловко управлялся с ножом. – Быть принятым за Монтеня – это вершина, доступная очень немногим.

Я собирался выпить только молока, но созданное Фрицем творение из творога и свежего ананаса, вымоченного в белом вине, являло собой нечто такое, и даже Вышинский не наложил бы вето. К тому же Вулф предложил мне крылышко и ножку, поэтому отказываться, сами понимаете, было неудобно. Фриц положил на тарелку всякой вкуснятины и отнес ее Карле, но, когда минут двадцать спустя мы вернулись в кабинет, еда стояла нетронутая. Возможно, Карла была слишком расстроена, чтобы есть, но я ей не поверил. Она просто отлично знала, как раздражается Вулф, когда пропадает хорошая еда.

Вулф сел за стол и хмуро уставился на нее:

– Посмотрим, сможем ли обойтись без ссоры. По твоим словам, ты предполагала, что я буду удивлен, тогда как тебя смерть Марко не удивила. Что ты имела в виду? Чему, по-твоему, я был бы удивлен?

Карла ответила, также нахмурившись:

– Я не... да, конечно. Удивлены, что Марко убили.

– А ты не удивилась?

– Нет.

– Почему?

– Потому что была в курсе его дел. А вы о них знали?

– Подробно – нет. Расскажи мне.

– За последние три года он вложил в борьбу за свободу Югославии около шестидесяти тысяч долларов собственных денег и еще собрал более полумиллиона. Он ездил семь раз в Италию и совещался там с руководителями освободительного движения, которые пересекали

Адриатическое море специально для того, чтобы встретиться с ним. Он отправил отсюда двенадцать мужчин и двух женщин – троих черногорцев, троих словенцев, двоих хорватов и шестерых сербов. Он печатал листовки и обеспечивал их распространение среди крестьян. Он отправил несколько тонн продовольствия и других вещей...

– Оружие? Винтовки?

Она задумалась:

– Не знаю. Ведь это было бы нарушением американского законодательства, а Марко чтит американские законы.

– И заслуженно, – кивнул Вулф. – Я не знал, что он был так поглощен этими делами. Значит, ты утверждаешь, что его убили именно из-за них. Что он представлял угрозу для Белграда или Москвы. По крайней мере, постоянно раздражал их и его решили убрать. Так, что ли?

– Да.

– Белград или Москва?

– Не знаю, – подумав, ответила Карла. – Конечно, есть люди, которые тайно сотрудничают с русскими, работая по всей Югославии, но в Черногории их больше, потому что она граничит с Албанией, а Албанией управляют русские марионетки.

– Так же как Венгрией, Румынией и Болгарией.

– Да, но вы ведь знаете, что представляет собой граница между Черногорией и Албанией. Вы знаете эти горы.

– Знаю. Или знал. – На лице Вулфа отразились чувства, вызванные воспоминаниями. – Мне было девять лет, когда я впервые поднялся на Черную гору. – Он пожал плечами. – В общем, значит, Белград или Москва. У них был агент в Нью-Йорке, или его прислали, чтобы разделаться с Марко. Так?

– Конечно.

– Не «конечно», если это только предположение. Ты можешь подтвердить его? У тебя есть факты?

– Факт состоит в том, что они ненавидели Марко и что он представлял для них опасность.

– Не это, – покачал головой Вулф. – Что-нибудь конкретное: имя, поступок, какие-то слова.

– Нет.

– Очень хорошо. Я принимаю твое предположение как заслуживающее внимания. Сколько человек в самом Нью-Йорке и в окрестностях было связано с Марко? За исключением тех, кто давал ему деньги?

– Ну, всего около двухсот.

– Я имею в виду тесно связанных. Кому он доверял.

– Четверо или пятеро, – ответила Карла после недолгого размышления. – Шестеро со мной.

– Назови их имена, адреса и номера телефонов. Арчи, запиши.

Я достал блокнот, ручку и приготовился, но зря. Карла сидела, уставившись на Вулфа своими темными черногорскими глазами, задрвав подбородок и сжав губы.

– Ну, – потребовал он.

– Я не верю вам, – сказала она.

Конечно, ему бы хотелось попросить меня выставить ее, и, должен сказать, я бы его не осудил, но она не была многообещающим клиентом с чековой книжкой. У нее было или могло быть что-то, чего ему не хватало для оплаты личного долга. Поэтому он просто заорал:

– Тогда какого черта ты явилась сюда?!

Они свирепо уставились друг на друга. Это зрелище уж точно не заставит меня поспешить с женитьбой и завести дочь, особенно приемную. Карла первой нарушила эту далеко не идиллическую картину:

– Я пришла к вам только потому, что должна была хоть что-то делать. Я знала, что в полиции первым делом потребуют, чтобы я все рассказала про нашу организацию. Ну, вот вы спрашивали о продаже оружия. – Она взмахнула рукой. – Но Марко был вашим хорошим другом, вы знаменитый сыщик, ловите убийц, да и к тому же у меня все еще есть бумага, подтверждающая, что я ваша дочь. Поэтому я и не задумываясь пришла к вам. А теперь я в растерянности... Вы отказались дать деньги на борьбу. Когда я говорю о свободе и гнете, вы строите гримасы. Да, в вас течет кровь черногорца, вы принадлежите к потомкам тех, кто пятьсот лет боролся с кровожадными турками, но подумайте о тех, кто сейчас живет в горах и целует кровавые ноги тирана. Я не могу прочесть, что у вас на сердце... Откуда я знаю, кому вы служите? Откуда я знаю, что вы тоже не получаете приказы из Белграда или Москвы?

– Не знаешь, – тупо произнес Вулф, и она уставилась на него. – Ты ведь отнюдь не дура, – заверил он ее. – Напротив, ты была бы дурой, приняв на веру мою неподкупность, так как мало обо мне знаешь. А из того, что ты знаешь, вполне допустимо, что я подлец. Чтобы проверить твое предположение относительно смерти Марко, мне нужны от тебя некоторые факты. Но что это за факты? Имена, адреса, даты – все это уже и так известно врагу. Я не в состоянии убедить тебя, что я не предатель, поэтому я вношу следующее предложение. Я буду задавать тебе вопросы. Ты можешь предположить, что я коммунист, хранящий верность Белграду или Москве, не важно. Ты можешь допустить также – этого требует мое самолюбие, – что я даже играю не последнюю скрипку в этих отвратительных Советах. Когда я задаю вопрос, спроси себя, существует ли вероятность того, что я уже знаю ответ или он мне доступен. Если да, скажи мне. Если нет, не говори ничего. Моя реакция на полученные сведения покажет тебе, можешь ли ты мне доверять. Но это не важно.

Карла задумалась:

– Это ловушка.

– И достаточно хитрая, – кивнул Вулф. – Формально я говорю, что твое недоверие ко мне беспочвенно, но, исходя из предположения, что я враг, я, конечно, постараюсь вытащить из тебя что-то, чего не знаю, поэтому ты должна соображать. Ну что, начнем и посмотрим, как получится?

Ей не понравилось.

– Вы можете донести на нас в полицию. Мы не преступники, но имеем право на некоторые секреты, а полиция может поставить нас в трудное положение.

– Вздор! Я не могу быть одновременно коммунистическим агентом и полицейским информатором. Я не хамелеон. Если ты превращаешь все в пародию, можешь уходить. Я справлюсь без тебя.

Она продолжала изучать его.

– Хорошо. Спрашивайте.

– Сначала съешь что-нибудь. Эта еда еще вкусная.

– Нет, спасибо.

– Хочешь пива? Вина? Виски?

– Нет, спасибо. Ничего.

– Я хочу пить. Арчи, принеси, пожалуйста, пива. Две бутылки.

И я отправился на кухню.

Глава 3

Прошло три недели и восемь часов. Во вторую пятницу апреля, в одиннадцать утра, Вулф спустился на лифте из оранжереи в прихожую, протопал в кабинет и уселся в свое огромное кресло.

Как обычно, я, просмотрев утреннюю почту, положил письма на его книгу для записей под пресс-папье.

– Самое верхнее письмо не терпит отлагательства, – сказал я. – Картрайт из «Консолидейтед продактс» снова жульничает. Или пытается водить нас за нос. Хотя в последний раз он заплатил по нашему счету двенадцать кусков и даже не пикнул. Вам надо поговорить с ним.

Вулф оттолкнул пресс-папье с такой силой, что оно прокатилось по столу и свалилось на пол. Потом схватил кипу почтовой корреспонденции, бешено смял и швырнул в корзину для мусора.

Конечно, это было мальчишеством, поскольку он прекрасно знал, что чуть позже я выну письма оттуда, но жест был красивым, и я его оценил. Судя по настроению Вулфа, я бы не удивился, если бы он взял другое пресс-папье, вырезанное из черного дерева, – однажды оно уже было использовано неким человеком по имени Мортимер, чтобы раскроить череп жене, – и запустил им в меня. А настроение у меня было такое дрянное, что я мог бы и не увернуться.

За прошедшие пятьсот двенадцать часов была проделана колоссальная работа. Сол Пензер, Фред Даркин и Орри Кэтер были созваны в первое же утро и отправлены на задания. С тех пор им заплатили ровным счетом 3143 доллара и 87 центов, включая расходы. Я сам вкалывал по шестнадцать часов в сутки, частично головой, но в основном ногами. Вулф пообщался с тридцатью разными людьми, в основном у себя в кабинете, но к пятерым из них, которые не могли прибыть к нему, он сам выходил и даже выезжал, чего никогда не сделал бы прежде ни за какой гонорар. Вулф часами сидел за телефоном и за это время шесть раз звонил в Лондон, пять в Париж и три раза в Бари в Италию.

Конечно, все это были пустяки по сравнению с тем, что пришлось проделать полицейским. Дни проходили за днями, версия отпадала за версией, и дело бы уже заглохло, если бы велось как обычно, для проформы. Однако полицейские трудились не покладая рук. По двум причинам: во-первых, они опасались осложнений международного характера и хотели избежать их; во-вторых, не желали стать всеобщим посмешищем. В самом деле, убит лучший друг Ниро Вулфа, к расследованию привлечен и сам Ниро Вулф, однако до сих пор не задержан ни один подозреваемый. Поэтому бумаги продолжали накапливаться, а блюстителям правопорядка не удавалось ни на минуту расслабиться. Кремер звонил Вулфу пять раз, Стеббинс еще больше, а Вулф дважды принимал участие в совещаниях у окружного прокурора.

Мы девять раз пообедали в «Рустермане», причем Вулф неизменно настаивал на том, что расплатится по счету, и расплачивался, несмотря даже на то, что был душеприказчиком всего имущества Марко. Вулф приходил рано, чтобы провести часок на кухне, и дважды крупно поспорил с ее поварами. В первый раз по поводу соуса морнэ, а затем они разошлись во мнениях, как готовить сюзрем из птицы в пергаменте. Я бы заподозрил его в брюзгливости, если бы вытянутые физиономии шеф-поваров не свидетельствовали о том, что он абсолютно прав.

Конечно, Кремер со своей армией выполнял всю рутинную работу. Автомобиль, из которого стреляли, оказался украденным часом раньше с парковки на Западной Пятьдесят шестой улице, а затем брошенным на Второй авеню. Эксперты, начиная от дактилоскопистов и заканчивая специалистами по баллистике, напустили кучу тумана, но не дали ответа. С тем же результатом три-четыре дюжины людей отработывали «женскую» версию, которая через пару недель разрослась и включила еще больше женщин в дополнение к первым семи, охватывая знакомых Марко уже не за год, а за четыре. Однажды Кремер сказал Вулфу, что он, если

хочет, может пройти всю цепочку, просмотрев около трехсот записей бесед с восьмьюдесятью четырьмя опрошенными, и Вулф просмотрел их. Он провел за ними у окружного прокурора одиннадцать часов. В результате сделал девять предположений, по всем была проведена работа, но дело не сдвинулось с места. Он оставил в покое женщин и те чувства, которые они вызывали у копов, и переключил Сола, Фреда и Орри, не говоря уже обо мне, на международное направление. Была проделана колоссальная работа. Мы многое узнали о тех десяти организациях, которые перечислены в манхэттенском телефонном справочнике и названия которых начинались со слова «югославский». Мы узнали также, что сербам глубоко наплевать на боснийцев, а хорватов они вообще за людей не считали. Что преобладающее большинство югославов в Нью-Йорке настроены против Тито и практически все – против русских. Что восемь процентов швейцаров на Парк-авеню – югославы. Что жители Нью-Йорка, которые сами или через родителей ведут свой род из Югославии, категорически уклоняются от любых разговоров с незнакомцами и могут полностью прекратить общение, если им покажется, что вы что-то вынюхиваете. И кучу других сведений, из которых только немногие вселяли хотя бы слабую надежду навести наконец на след того негодяя, который всадил три пули в Марко Вукчича. Словом, поиски зашли в тупик.

В первые четыре дня мы видели Карлу еще дважды. Она явилась в субботу днем и спросила Вулфа, правда ли то, что, как было объявлено, похороны не состоятся. Он сказал, что да, в соответствии с последней волей Марко, изложенной в письменном виде, его тело кремируют, причем без всяких церемоний. Она возразила, что сотни людей хотели бы выразить ему уважение и любовь, а Вулф ответил, что если уважать убеждения человека, которого уже нет в живых и который не может настоять на своем, то он должен хотя бы иметь право диктовать, как распорядиться собственным телом. Единственное, чего она смогла добиться, так это обещания, что прах Марко отдадут ей. Затем она поинтересовалась успехами расследования. Вулф же ответил, что непременно сообщит, как только будет что сообщить. Этот ответ ее явно не удовлетворил.

Карла снова пришла в понедельник вечером. Мне надоело реагировать на проклятый дверной звонок, и я поручил это Фрицу. Войдя в кабинет, она решительно прошагала к столу Вулфа и выпалила:

– Вы донесли на нас в полицию! Они продержали там Лео целый день, а днем пришли за Полем и забрали его! Я знала, что не должна вам доверять.

– Пожалуйста, уймись... – начал было Вулф, но ее уже было не остановить.

Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Карла продолжала поносить и обвинять его, пока не устала и не замолчала, чтобы перевести дыхание.

– Ты закончила? – открыв глаза, поинтересовался Вулф.

– Да! И заодно закончила с вами.

– Тогда не о чем говорить. – Он дернул головой. – Вон дверь.

Она подошла к красному кожаному креслу и уселась на самый краешек.

– Вы же говорили, что не донесете на нас в полицию.

– Я и не доносил. – Вулф казался усталым и возмущенным. – Если ты мне не доверяешь, то не поверишь ничему, что я скажу, так к чему лишние слова?

– Я хочу их услышать.

– Очень хорошо. Я ничего не сказал полиции ни о тебе, ни о твоих соратниках, ни о твоих предположениях относительно убийства Марко. Но в полиции отнюдь не дураки служат и, я точно знаю, умеют добираться до сути. Я удивлен, что этого еще не случилось. Они приходили к тебе?

– Нет.

– Придут, совершенно точно. В моем распоряжении только четверо сотрудников, и то мы не справляемся. У них – сотни. Если ты им скажешь, что приходила ко мне в четверг вечером,

они обидятся, что я утаил это от них, но это не важно. Можешь рассказать им или не говорить, это на твое усмотрение. Что касается сведений, которые ты мне предоставила, поступай с ними, как сочтешь нужным. Может быть, лучше, если полицейские сами докопаются до них, поскольку в процессе поиска смогут обнаружить нечто такое, о чем ты даже не подозревала. Раз уж ты здесь, я могу также сказать тебе, каких успехов я достиг. Так вот – никаких. – Он повысил голос. – Никаких, ясно?

– Совсем ничего не нашли?

– Ничего.

– Я не скажу полиции то, что рассказала вам. Но это не имеет значения. Если вы этого до сих пор не сообщили, так сообщите. – Вдруг она вскочила, ломая руки. – Что же мне теперь делать! Мне нужно спросить вас... Мне нужно сказать вам, что я должна сделать. Но я не скажу! Не скажу! – Она повернулась и выскочила.

Она унеслась с такой быстротой, что, когда я вышел в прихожую, Карла уже открывала входную дверь, а когда приблизился к двери, Карлы и след простыл. Я только посмотрел в одностороннюю стеклянную панель и проводил ее взглядом, как она спускалась по ступенькам, уверенная, гибкая, как фехтовальщица или танцовщица, что было вполне справедливо, поскольку она занималась и тем и другим.

Больше мы с Вулфом ее не видели, хотя услышать про нее нам довелось еще не раз. Разговор о Карле зашел совсем неожиданно через четыре дня, утром в пятницу. Мы с Вулфом проводили очередное совещание с Солом, Фредом и Орри, стараясь придумать, какие бы камешки еще приподнять, чтобы посмотреть, что под ними, когда раздался звонок, и через минуту Фриц объявил:

– Сэр, вас хочет видеть мужчина. Мистер Шталь из Федерального бюро расследований.

Брови Вулфа полезли вверх. Он взглянул на меня, я кивнул, и он велел Фрицу пропустить посетителя. Все помощники, включая меня, переглянулись. Шталь был отнюдь не рядовым фэбээровцем, в его распоряжении имелся немалый штат сотрудников. Ходили слухи, что к Рождеству он займет большое угловое здание на самом Бродвее. Шталь редко выполнял роль мальчика на побегушках, а потому его появление было событием. Мы все это знали и оценили по достоинству. Когда Шталь вошел, пересек кабинет и, приблизившись к столу Вулфа, протянул руку, Вулф даже оказал ему честь, приподнявшись, чтобы ответить на рукопожатие. Впрочем, для меня это свидетельствовало лишь об одном: ситуация была совершенно безнадежной.

– Давно мы с вами не встречались, – заявил Шталь. – Года три?

– Пожалуй, так, – кивнул Вулф и указал на красное кожаное кресло, которое освободил Фред Даркин. – Садитесь.

– Спасибо. Можем мы поговорить наедине?

– Если нужно. – Вулф взглянул на троицу, и сыщики, все как один, поднялись, вышли и закрыли за собой дверь.

Шталь уселся в кресло. Среднего роста, слегка начинающий лысеть, он не производил большого впечатления, если бы не челюсть, которая опускалась вниз на добрых два дюйма, а затем резко выступала вперед. На мой взгляд, он мог запросто протаранить ею дубовую дверь. Взглянув на меня, он перевел взгляд на Вулфа и сказал:

– Я имел в виду – совсем наедине.

Вулф нахмурился:

– Вам наверняка известно, что мистер Гудвин в курсе всех моих дел, в том числе и самых личных. Он – мои глаза, уши и руки.

Шталь не мог этого знать, потому что это была неправда. Тем не менее он кивнул:

– В некотором смысле вы можете считать это личным делом – личным для вас. Мы хотели бы встретиться с вашей дочерью, миссис Карлой Бриттон.

Плечи Вулфа поднялись на одну восьмую дюйма и опустились.

– Так встречайтесь. Ее адрес – Парк-авеню, девятьсот восемьдесят четыре. Номер телефона – Поплар три-три-ноль-четыре-три.

– Я знаю. Ее там нет уже три дня, начиная со вторника. Она никому ничего не сказала о своих планах. Никто не знает, где она. А вы?

– Нет, сэр.

Шталь провел кончиком пальца по подбородку:

– Что мне в вас нравится, так это ваша прямота и откровенность. Я никогда не видел комнату наверху, ту, что прямо над вашей, которую вы называете Южной, но слышал о ней. Известно, что время от времени вы используете ее для гостей, клиентов и в некоторых других случаях. Вы не будете возражать, если я поднимусь и взгляну на нее?

Вулф снова пожал плечами:

– Вы только зря потратите энергию, мистер Шталь.

– О, не волнуйтесь. У меня ее в избытке.

– Тогда поднимайтесь. Арчи...

– Да, сэр.

Я встал, открыл дверь в прихожую и вместе со Шталем, следовавшим за мной по пятам, поднялся по лестнице. У двери в Южную комнату я посторонился и вежливо предупредил:

– Идите первым. Она может выстрелить.

Шталь открыл дверь и вошел, а я встал на пороге.

– Здесь приятно и солнечно и кровать первоклассная. – Я показал пальцем. – Это дверь в ванную, а эта – в уборную. Одна девушка по имени Присцилла Идз⁴ как-то сняла ее за пятьдесят зеленых в неделю, но ее убили. Уверен, мистер Вулф снизил бы плату для такого выдающегося деятеля, как вы.

Шталь нетерпеливо дернулся, и я решил временно оставить его в покое. Он знал, что потерпел неудачу, но все-таки заглянул в ванную, а затем не поленился посмотреть и в уборную. Когда он повернулся, чтобы уйти, я сказал ему в спину:

– Жаль, что вам здесь не понравилось. Не хотите ли взглянуть на мою комнату? Она как раз над прихожей. Или на оранжерею? – Я продолжал издеваться, пока он спускался по лестнице. – Может быть, вам больше придется по душе комната мистера Вулфа? Там на кровати лежит роскошное черное шелковое покрывало. Буду рад вам его показать. А если хотите что-нибудь подешевле, то в гостиной есть диван.

В кабинете Шталь сел в кресло, уставился на Вулфа и спросил:

– Где она?

– Я не знаю, – глядя на него, ответил Вулф.

– Когда вы видели ее в последний раз?

– Вы ведете себя грубо, сэр. – Вулф выпрямился. – Если это допрос, то покажите ордер.

– Я говорю, что ее три дня не было дома и мы не можем найти ее.

– Это не оправдывает вашего поведения в моем доме, как и того, что вы посмели назвать меня лжецом.

– Я этого не делал.

– Нет, делали. Когда я сказал, что не знаю, где она, вы посмели обыскать мой дом. А не найдя, требуете, чтобы я сказал, где она. Пф!

Шталь дипломатически улыбнулся:

– Ну, Гудвин поквитался за вас, вдоволь поиздевавшись надо мной. Полагаю, лучше начать все сначала. Вы знаете, как мы ценим ваши способности и ваши достоинства. Мы знаем, что вам ничего не нужно разжевывать и расшифровывать. Я думаю, вы прекрасно понимаете, что мой приход сюда и вопросы про миссис Бриттон означают одно: нас всерьез интересуют

---

⁴ Отсылка к роману Р. Стаута «Игра в пятнашки».

некоторые аспекты в расследовании убийства Марко Вукчича. У нас есть причины полагать, что он занимался деятельностью, которая непосредственно интересует руководство ФБР. Мы знаем также, что ваша дочь была связана с ним, поэтому ее исчезновение нас беспокоит. У нас пока нет доказательств, что вы каким-то образом связаны с этим родом деятельности Вукчича – лояльной или подрывной, не знаю.

– Индульгенцией я не располагаю, – фыркнул Вулф.

– Правильно. И необходимости в ее получении у вас нет. Могу также добавить, что, прежде чем идти к вам, я советовался с инспектором Кремером. Мы узнали об участии миссис Бриттон в этом деле только прошлой ночью. Если учесть все обстоятельства, то по поводу ее исчезновения можно высказать два предположения: первое – она была вовлечена в эту деятельность тем же человеком или теми же людьми, что и Вукчич, и второе – она вела с Вукчичем двойную игру, работая на коммунистов. Если так, то она могла принять участие в организации его убийства, после чего оставаться здесь стало для нее слишком рискованно. Как вы теперь считаете, у меня достаточно оснований, чтобы задать вам вопрос: когда вы видели ее в последний раз?

– Мой ответ вам мало поможет. Я видел ее четыре дня назад в этой самой комнате, в понедельник вечером, около половины седьмого. Она была здесь не более десяти минут. Она и слова не сказала ни о своем намерении исчезнуть, ни даже о какой-либо причине для такого намерения. Из представленных вами двух предположений я советую отбросить второе, но это не обязательно оставит только первое. Есть еще и другие.

– Почему отбросить второе?

Вулф поднял голову:

– Мистер Шталь, миазмы недоверия, отравляющие воздух, которым мы дышим, распространились так широко, что заставили вас совершить бессмысленный поступок – пойти и осмотреть мою Южную комнату. Я бы хотел предложить вам уйти, но не могу позволить себе такой роскоши, потому что я настоящий болван. Я охочусь за убийцей Марко Вукчича уже восемь дней и барахтаюсь в болоте, и если есть хоть какой-то шанс, что вы можете протянуть мне соломинку, я не откажусь от него. Поэтому расскажу вам все, что знаю, о причастности миссис Бриттон к этой истории.

Он так и сделал, причем не стал возражать, когда Шталь вынул записную книжку и начал что-то записывать. Под конец Вулф сказал:

– Вы спрашивали, почему я советовал вам отбросить второе предположение. Вот вам мой ответ. Вы можете сделать скидку на то, что вам диктует ваша предусмотрительность. Что касается меня, то мне сейчас остро недостает соломинки, за которую я бы мог ухватиться. И поверьте, зная, какими неограниченными правами и возможностями вы располагаете, я был бы весьма признателен за вашу помощь.

Я никогда еще не видел и не слышал, чтобы Вулф так унижался, несмотря даже на тяжелейшее положение, в котором он находился. Шталь, по-видимому, тоже был ошарашен. Он довольно ухмыльнулся, так что мне захотелось врезать ему по физиономии. Затем он взглянул на наручные часы и поднялся. Даже не соизволил сказать, что опаздывает на какую-нибудь вымышленную встречу.

– Это что-то новое, – заявил он, – Ниро Вулф, цепляющийся за соломинку. Мы подумаем об этом. Если вы услышите что-то от вашей дочери или о ней, мы будем очень признательны за любые сведения.

Проводив его, я вернулся в кабинет и сказал Вулфу:

– Иногда мне жаль, что я такой учтивый и обходительный. С каким удовольствием я бы спустил с крыльца этого остолопа.

– Прекрати, – проворчал он. – Мы должны ее найти.

Но мы ее не нашли. Хотя и очень пытались. Это верно, что Шталь и Кремер превосходили нас в отношении прав и возможностей, но Фред Даркин умеет копать, Орри Кэтер – настоящий молодец, Сол Пензер – лучший оперативник к северу от экватора, а я – хорошая ищейка. Следующие шесть дней мы пытались найти хоть какой-нибудь ее след, но с таким же успехом могли оставаться в моей комнате и играть в пинукль. Ни проблеска. Именно тогда Вулф и названивал в Лондон, Париж и Бари. Я думал, он просто барахтается в болоте, и до сих пор думаю, что он делал все наугад, но должен признать, что именно Хичкок из Лондона и Боден из Парижа в конце концов навели его на Телезио в Бари. Без помощи Телезио мы все еще искали бы Карлу и убийцу Марко. Если бы во вторник после посещения Штала Вулф не позвонил в Бари и не поговорил по-итальянски на сорок баксов, мы бы никогда не дождались звонков от Телезио.

Их было три. Первый раздался в четверг вечером, когда я отсутствовал, отрабатывая версию, которая, по мнению Фреда, могла куда-то вывести. Когда незадолго до обеда я вернулся, Вулф раздраженно сказал:

– Собери их вечером. Будут новые инструкции.

– Да, сэр. – Я подошел к своему столу, сел и обернулся. – А что для меня?

– Посмотрим. – Вулф выглядел сердитым. – Думаю, ты должен знать. Мне звонили из Бари. Сейчас в Италии ночь. Миссис Бриттон приехала в Бари в полдень и уже через несколько часов вышла на небольшом судне в Адриатическое море.

Я вытаращил глаза:

– Какого черта ее понесло в Италию?

– Не знаю. Мой информатор, возможно, это знает, но считает необходимым соблюдать осторожность в разговорах по телефону. Я принял к сведению, что она там. Пока ни с кем не делись. Новые инструкции для Сола, Фреда и Орри будут основаны на том, что сейчас важнее обнаружить убийцу, чем найти миссис Бриттон. А что касается...

– Сол все равно разнюхает.

– Или нет. Потом, он не узнает, где она, а если и узнает, то это не так важно. Кто из вас более надежен, Сол или ты?

– Наверное, Сол. Мне ведь приходится себя постоянно контролировать.

– Да. Что касается мистера Кремера и мистера Штала, мы ничего им не скажем. Если они продолжают ее поиски, то смогут найти еще что-нибудь.

Вулф вздохнул, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, по-видимому, для того, чтобы составить программу помощи.

Итак, первый звонок от Телезио не приостановил оперативные действия и лишь смог повлиять на стратегию. Все изменилось после второго звонка. Он раздался в половине третьего ночи в понедельник. Конечно, в Бари это половина девятого утра, но я был не в состоянии осуществить этот подсчет, когда вдруг проснулся и осознал, что это не сон и телефон действительно звонит. Я скатился с постели и схватил трубку. Когда я услышал, что звонят из Бари в Италии мистеру Ниро Вулфу, то попросил телефонистку подождать, зажег свет и отключил сигнализацию, которая начинала истошно трезвонить, стоило какому-либо ночному гостю приблизиться к двери комнаты Вулфа меньше чем на десять футов, затем спустился на этаж и постучал. Услышав его голос, я открыл дверь, вошел и включил свет. Вулф выглядел очень величественно, лежа под одеялом-грелкой и щурясь на меня.

– Ну, – произнес он.

– Звонок из Италии. Соберитесь с мыслями.

Вулф не допускает даже возможности, что ему когда-либо придется говорить по телефону в постели, поэтому единственный аппарат в его комнате стоит на столике у окна. Я подошел и включил его. Он откинул одеяло, поерзал по кровати, встал, прошлепал босиком к столу и взял трубку. Даже в этих обстоятельствах я был поражен чудовищными размерами его

пижамы. Я стоял и слушал тарабаршину, в которой ничего не понимал, но это длилось недолго. Ему даже не пришлось раскошелиться, потому что и трех минут не прошло, как он положил трубку, посмотрел на меня с неприязнью, прошагал к кровати, опустился на край и произнес несколько слов, которые я не смог бы воспроизвести.

– Звонил синьор Телезио. Он так осторожен, что понять его почти невозможно. Он сказал, что у него есть для меня новости, но настаивал на строжайшей конспирации, поэтому зашифровал их. Вот что он сказал, дословно: «Человек, которого вы ищете, находится в окрестностях горы». Он не стал ничего объяснять, а давить на него было бы неосторожно.

– Никогда еще не видел, чтобы поиски кого-либо давались вам с таким трудом, как поиск убийцы Марко, – произнес я. – Телезио знает об этом?

– Да.

– Тогда весь вопрос в том, какую гору он имел в виду.

– Можно смело предположить, что Ловчен – Черную гору, по имени которой получила название Черногория.

– Этот Телезио заслуживает доверия?

– Да.

– Тогда дело яйца выеденного не стоит. Убийца Марко находится в Черногории. Найти его там для нас – раз плюнуть.

– Спасибо.

Вулф положил ноги на кровать, засунул их под одеяло и вытянулся в длину, если можно так сказать о человеке с его габаритами. Он натянул одеяло в желтом пододеяльнике до подбородка, повернулся на бок и, приказав мне выключить свет, закрыл глаза.

Должно быть, он заснул, пока я еще поднимался по лестнице.

Эти четыре дня были самыми худшими за последние три недели. Хотя я и знал, что Вулф упрямый, как стадо ослов, но в этот раз он побил все рекорды. Он чертовски хорошо знал, что объект ускользнул от него, что он полностью побежден и единственно разумным было бы передать дело Кремеру и Шталю с тайной надеждой, что оно заинтересует ЦРУ, и если вдруг у них объявится в тех краях турист, любующийся пейзажем, они сочтут возможным дать ему соответствующее задание. Более того, существовало по крайней мере два особо важных лица в Вашингтоне, причем одно из них в Госдепартаменте, к которым Вулф мог обратиться с просьбой. Но нет. Не для этого упрямец. Когда – кажется, это было в среду вечером – я представил ему соображения, перечисленные выше, он их все отверг по следующим причинам. Во-первых, Кремер и Шталь решат, что он все выдумал, если не назовет своего осведомителя из Бари, а этого он не может сделать. Во-вторых, они непременно схватят миссис Бриттон, если она вернется в Нью-Йорк, и предъявят ей такое обвинение, что она полностью в нем увязнет. И в-третьих, ни полиция Нью-Йорка, ни ФБР не могут добраться до Югославии, а ЦРУ заинтересуется делом только в том случае, если это будет связано с их планами и проектами, что чрезвычайно нежелательно.

Между тем – и это производило жалкое впечатление – он продолжал платить Солу, Фреду и Орри, регулярно давал им инструкции и читал их отчеты, а я должен был участвовать в этом цирке. Не думаю, чтобы Фред и Орри догадывались, что их водят за нос, но Сол сообразил, и Вулф понял это. В четверг утром Вулф сказал, что Солу не обязательно докладывать непосредственно ему, а отчет могу взять я и передать ему.

– Нет, сэр, – твердо сказал я. – Я сначала уволюсь. Я согласен выполнять свою роль в этом проклятом фарсе, если вы настаиваете, но не собираюсь убеждать Сола Пензера в том, что я слабоумный.

Не знаю, сколько бы такое могло продолжаться. Рано или поздно Вулфу пришлось бы прервать эту деятельность, и я предпочитаю думать, что это случилось бы рано. Стало заметно, что он не выдерживает напряжения. Пример тому – сцена в кабинете на следующее утро, в пят-

ницу, о которой я уже рассказывал. Что касается меня, я старался его не раздражать. Я просто предоставил ему возможность освободиться от этого дела, сообщив, что письмо Картрайта из «Консолидейтед продактс» требует немедленного ответа, и напомнил, что однажды Картрайт заплатил по счету двенадцать кусков и не пикнул. Сцена, когда он сгреб бумаги со стола и кинул в корзину, выглядела многообещающе. Я как раз решал вопрос, что делать дальше, когда зазвонил телефон. Я с удовольствием поступил бы с ним так же, как Вулф с почтой, однако пересилил себя и взял трубку. Женский голос спросил, приму ли я неоплаченный звонок из Бари в Италии для мистера Ниро Вулфа. Я согласился и позвал Вулфа. Он снял трубку.

На этот раз разговор был еще короче, чем в то воскресенье ночью. Я не умею разделять итальянский на отдельные слова, но, насколько понимаю, Вулф не произнес и пятидесяти. По его тону я понял, что новости опять неприятные, и выражение его лица, когда он повесил трубку, подтверждало это. Он сжал губы, свирепо глядя на телефон, потом перевел взгляд на меня.

– Она мертва, – мрачно произнес он.

Его всегда раздражало, когда я говорил таким образом. Он все мозги мне проел, требуя, чтобы при сообщении информации я использовал четкие формулировки, в особенности при описании людей или предметов. Но поскольку звонок был из Бари, а в той части света находилась только одна интересующая нас женщина, я не стал возникать.

– Где она? – спросил я. – В Бари?

– Нет, в Черногории. Оттуда сообщили.

– Кто или что послужило причиной смерти?

– Он сказал, что ничего не знает, кроме того, что смерть была насильственной. Он не сказал, что ее убили, но, конечно, это так. Может быть, ты сомневаешься?

– Может быть, но не сомневаюсь. Что еще?

– Ничего. Просто факт, и больше ничего. А если бы я и выудил из него дополнительные сведения, то, сидя здесь, все равно не знал бы, что с ними делать.

Вулф посмотрел на свои ноги, затем перевел взгляд на правый подлокотник кресла, потом на левый, как будто хотел убедиться, что и в самом деле сидит. Потом вдруг, резко отодвинув кресло, встал. Он подошел к телевизору, постоял немного, глядя на экран, затем повернулся и передвинулся к самому крупному, не считая его самого, в кабинете предмету – тридцатидюймовому глобусу, – крутанул его, остановил и на одну-две минуты погрузился в изучение. Потом повернулся, подошел к своему столу, взял книгу, которую дочитал до середины, – «Но мы были рождены свободными» Элмера Дэвиса, – подошел к книжному шкафу и поставил ее между двумя другими. Обернулся ко мне и спросил:

– Сколько у нас на счете в банке?

– Чуть больше двадцати шести тысяч после уплаты недельных счетов. Чеки вы выбросили в корзину.

– А в сейфе сколько?

– Сто девяносто четыре доллара и двенадцать центов мелочью, а также на крайний случай резервные три тысячи восемьсот.

– Как долго идет поезд до Вашингтона?

– От трех часов двадцати пяти минут до четырех часов пятнадцати минут, в зависимости от поезда.

Он недовольно поморщился:

– А самолет?

– От шестидесяти до ста минут, в зависимости от направления ветра.

– Самолеты летают часто?

– Каждые тридцать минут.

Он взглянул на настенные часы:

– Можем мы попасть на тот, что улетает в полдень?

Я поднял голову:

– Вы сказали «мы»?

– Да. Чтобы быстро получить паспорта, мы должны явиться за ними лично.

– Зачем нам паспорта?

– Чтобы попасть в Англию и Италию.

– Когда мы уезжаем?

– Как только получим паспорта. Лучше вечером. Так можем мы попасть на самолет, который улетает в Вашингтон в полдень?

– Погодите, – сказал я. – Можно рехнуться, наблюдая, как статуя неожиданно превращается в динамо-машину. Это и впрямь необходимо?

– Нет.

– Сколько раз вы мне говорили, что ни в коем случае нельзя действовать под влиянием порыва. Почему вы не сядете и не сосчитаете до тысячи?

– Это не порыв. Мы должны были уехать намного раньше – как только узнали, что она там. Теперь этого требуют обстоятельства. К черту все! Так можем мы попасть на этот самолет?

– Нет. Ничего не поделаешь. Одному Богу известно, что вы будете есть в течение недели или, может быть, года, – а Фриц готовит на ланч мусс «Покахонтас» из икры шэда. Если вы его не съедите, то потом выместите злость на мне. Пока я позвоню в аэропорт и достану из сейфа ваше свидетельство о натурализации и свое свидетельство о рождении, вы можете пойти и помочь Фрицу, раз уж у нас такая сумасшедшая спешка.

Он хотел что-то сказать, но передумал, повернулся и пошел в кухню.

Глава 4

Мы вернулись домой в девять часов вечера. У нас были не только паспорта, но и билеты на самолет, улетающий из Айдлуайлда в Лондон завтра, в субботу, в пять часов пополудни.

Вулф вел себя не так, как подобает мужчине. Я надеялся, что раз уж он решил пересечь океан и добрую часть континента, то с нелюбовью к машинам покончено, и расслабился, однако видимых изменений в его поведении не произошло. В такси он примостился на краешке сиденья, вцепившись в ремень, а в самолете все его мускулы были напряжены. По-видимому, это сидело в нем так глубоко, что помочь ему мог бы только психоанализ, на который не было времени. На него ушло бы, пожалуй, не двадцать часов, а двадцать лет.

В Вашингтоне все было просто. Особо важная персона из Госдепартамента, которую мы прождали всего десять минут, поначалу пыталась объяснить, что вмешательство в дела паспортного отдела на высоком уровне неблагоприятно, но Вулф прервал его, и совсем не так дипломатично, как можно было бы ожидать в таком учреждении. Вулф заявил, что просит не о вмешательстве, а только о том, чтобы ускорить дело, что обратился за помощью в Вашингтон только потому, что крайняя необходимость профессионального характера требует его присутствия в Лондоне в кратчайший срок. Вулф предполагал, что может рассчитывать на выражение благодарности за некие оказанные услуги и изъявление готовности ответить взаимностью на столь скромную и невинную просьбу. Так и вышло, но все равно формальности отняли какое-то время.

Всю субботу мы провозились с делами. Неизвестно было, на какой срок мы уезжаем. Мы могли вернуться через несколько дней, но Вулф считал, что надо рассчитывать на неопределенный срок, поэтому дел у меня было невпроворот. Фреду и Орри было заплачено, а Солу предписано находиться в кабинете и спать в Южной комнате. Натаниэль Паркер, наш адвокат, был уполномочен подписывать чеки, а Фриц – присматривать за «Рустерманом». Теодору выдали целую кучу ненужных инструкций по поводу орхидей. Помощник управляющего в отеле «Черчилль» должен был обналичить чек на десять тысяч десятками, двадцатками и сотнями, и я потратил добрый час на то, чтобы аккуратно уложить их в пояс, который купил в магазине «Аберкромби».

Единственная за целый день ссора произошла в последнюю минуту, когда Вулф стоял в кабинете в пальто и шляпе, а я открыл ящик своего стола и вытащил «марли» 32-го калибра и две коробки с патронами.

– Ты это не возьмешь, – заявил он.

– Естественно, возьму. – Я сунул пистолет в плечевую кобуру, а коробки – в карман. – Разрешение у меня в бумажнике.

– Нет. Из-за него могут быть неприятности на таможне. Ты сможешь купить пистолет в Бари. Вынь его!

Это приказ, и он был начальником.

– Ладно, – сказал я, вынул пистолет и положил его в ящик, а затем уселся на стул. – Я не еду. Как вам известно, я уже много лет взял за правило не выходить на дело, связанное с убийством, без пистолета, а это супердело. Я не собираюсь гоняться за убийцей вокруг Черной горы на чужой земле, имея в качестве оружия лишь отвратительный пистолет местного производства, о котором я ничего не знаю.

– Вздор! – Он посмотрел на часы. – Пора ехать.

– Езжайте.

Я молча положил ногу на ногу, и он сдался:

– Очень хорошо. Если бы я так не зависел от тебя, то сделал бы это сам. Идем.

Я снова взял «марли», положил его куда надо, и мы вышли. Фриц и Теодор проводили нас на улицу, где за рулем седана уже сидел Сол. Вещи лежали в багажнике, и все заднее сиденье было в распоряжении Вулфа. Глядя на физиономии Фрица и Теодора, можно было подумать, что мы уезжаем на фронт, хотя на самом деле они ничего не знали. Только Сол и Паркер были в курсе дела.

В Айдлуайлде мы без помех преодолели формальности и вошли в самолет. Я подумал, что Вулфу не повредит небольшая доза юмора, чтобы отвлечь его от ужасов перелета, и пересказал ему забавную фразу, произнесенную кем-то сзади нас, когда мы поднимались по трапу.

– Боже мой, – произнес голос, – они содрали с меня тридцать долларов за лишний вес багажа, а посмотрите только на этого типа.

Видя, что мои слова не произвели желаемого эффекта, я пристегнулся и оставил Вулфа наедине с его страданиями.

Я признаю, что он старался их не показывать. Первые пару часов я вообще не видел его лица, потому что он сидел, уставившись в окно на морской горизонт или на облака. Мы попросили, чтобы нам подали еду на подносах. Вулф нормально управился с фрикасе и салатом с приправами, без капризов и выкрутасов. Потом я принес ему две бутылки пива, и он вежливо меня поблагодарил. Это было поступком, если учесть, что, с его точки зрения, все движущиеся части любой машины подвержены непредсказуемым прихотям и, если дурь овладеет вдруг нашим самолетом, мы плюхнемся глухой ночью в пучину Атлантики. На этой мысли я крепко заснул. Часы показывали половину третьего, когда я проснулся, но было совсем светло, пахло жареным беконом, а в моем ухе звучал голос Вулфа:

– Я хочу есть. Мы летим, опережая время, и через час уже будем на месте.

– Вы спали?

– Немного. Я хочу завтракать.

Он съел четыре яйца, десять ломтиков бекона, три булочки и выпил три чашки кофе.

В Лондон мы не попали, потому что аэропорт находится за городом, а Хичкок ждал нас у выхода. Мы не видели его с тех пор, как он был в последний раз в Нью-Йорке три года назад. Он приветствовал нас очень сердечно для англичанина, пригласил к угловому столику в ресторане и заказал булочки, повидло и чай. Сначала я хотел воздержаться, но подумал, какого черта, должен же я привыкать к чудной иностранной пище, и взял свою долю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.